

Один из тех взрослых мужчин, чьё тело и разум здоровы, а вкус плотских утех уже познан, — как часто в его голове возникают образы тех, с кем хочется предаться сексуальным фантазиям? Что до Фань Цина, то прошло совсем немного времени, прежде чем Хао Су снова проник в его Личный домен. Прошлое неизбежно влияет на настоящее: чем больше связей они создавали в прошлом, тем глубже становились воспоминания Фань Цина о нём. Когда придёт время вернуться в реальность, даже окажись они вместе в одном лифте, как сегодня, Фань ЦИН смог бы узнать Хао Су, едва тот переступит порог, даже не поднимая головы. Из раза в раз Хао Су полностью отдавал инициативу Фань Цину. Это он думает о нём, это он ищет его. Куда лучше не взламывать створки раковины грубой силой ради жемчужины, а проявить терпение и дожидаться, пока она раскроется сама от избытка сладострастия. Ведь только в таком случае блеск жемчужины окажется безупречным. Хао Су не стал объяснять Системе причины своего поступка, но вскоре ощутил странное колебание магнитного поля. Сигнал шёл снизу: он жил на двадцатом этаже, а прямо под ним находился как раз Фань Цин. Тот снова раскрывал свой Личный домен. Несмотря на то, что прошло уже два года, настойчивые взгляды, которые Хао Су намеренно бросал на него, всё же принесли свои плоды. Воспоминания давних дней пробудились: в тот раз, когда Фань Цин впервые поддался плотскому позыву, он воображал мужчину по имени Хао Су и позволил ему помочь утолить это желание. Тот казался воплощением деловой элиты, но его поступки и внешность так разительно не соответствовали друг другу, доводя до потери контроля. Каждый раз, когда Фань Цин вспоминал, что Хао Су делал ради него, его захлестывали невыносимое чувство вины и звенящая радость. Он своевольно осквернял чужой образ в своих фантазиях — и черпал в этом осквернении наслаждение. Какая противоречивая и извращенная психология. Досадно лишь то, что с той самой поры этот человек больше не появлялся в Личном домене: как бы Фань Цин ни воображал его, воссоздать его образ больше не удавалось. Когда желание накатывало вновь, в Личном домене оставалось лишь бесконечное одиночество. Он помнил, как преодолевал терзавшие его приступы липкого стыда и сгорающим от предвкушения отправлялся в Личный домен. Помнил, как искал там мужчину по имени Хао Су, но неизменно возвращался ни с чем. Фань Цин и сам пытался экспериментировать, но, как и в самый первый раз, это удавалось только Хао Су. Даже представляя его в мыслях и копируя каждое его движение, никто не мог заменить подлинник — он всё равно оставался чужаком. И хотя все эти образы были порождены виртуально, Фань Цин не понимал, почему так происходит. Хуже того: Фань Цин заметил, что чем чаще он пытался вызвать этот образ, тем более размытым становился Хао Су в его голове, и вместе с ним стирались те воспоминания. Это напоминало ситуацию, когда слишком долго смотришь на одно и то же слово: постепенно оно начинает казаться странным и чужим, пока в конце концов ты перестаешь даже узнавать его. Поначалу, хотя память и менялась, чувства лишь крепили. Или, вернее сказать, чем недоступнее становилось желаемое, тем сильнее хотелось заполучить его. Это головокружительное состояние, когда страстно жаждешь того, чего не можешь получить, доводило жажду до предельной точки, за мгновение истязая его гордость. Но постепенно угасали и эти чувства. Предприняв бесчисленные попытки, Фань Цин наконец осознал, что снова потерпел неудачу. Обессиленный, он упал на застеленную белыми простынями кровать и плотно закутался в одеяло. Живые цветы вокруг, уловив перемену в его настроении, тут же свернули распутившиеся лепестки. На прикроватной тумбочке появилась новая прозрачная стеклянная ваза, в которой стояла полувылая роза. На её лепестках блестела то ли роса, то ли что-то ещё, отливая под светом лампы хрустальным блеском. Проснувшись в один из дней после погружения в Личный домен, Фань Цин обнаружил, что больше не помнит Хао Су. Но сегодня он снова вспомнил о нём: случайный взгляд в лифте всколыхнул бурю эмоций, и сквозь мелкую дрожь к нему вернулась сцена из далекого прошлого... В тот день он нашёл безупречно убедительную причину, чтобы успокоить себя. Из-за особенностей своего характера Фань Цин был необычайно молчалив и замкнут в школе, стараясь лишний раз не попадаться никому на глаза. Однако днём он затормозил и не успел вовремя увернуться от шагавшего навстречу одноклассника, в

результате чего они столкнулись. Фань Цин не знал этого парня, но тот долго и зло смотрел на него. — Не знаешь, что надо извиняться, когда врезаешься в людей? Его тон звучал свысока, словно разговор с Фань Цином был величайшей милостью. — Прости. Фань Цин действительно не заметил человека и по всем правилам принес извинения. — И всё? На этом всё? Парень явно собирался распустить руки, и Фань Цин отпрянул назад. Для него и так было невероятно трудно стоять здесь и извиняться, перебарывая дурноту — чужие взгляды и голоса причиняли ему подлинные муки. Фань Цин не желал оставаться здесь ни единой секунды, а потому, придя в себя, просто молча пошел дальше. Позже Фань Цин узнал, что этот парень учится с ним в одном классе. Он заслужил его немилость, и теперь этот задира то и дело цеплялся к нему. На самом деле методы обидчика были сущим пустяком, для любого другого они не стоили бы и выеденного яйца. Но для Фань Цина это равнялось пытке. Парень то выкрикивал его имя при каждом появлении, то принимался всенародно обсуждать и критиковать его. И делал он это вовсе не случайно, а намеренно, раскусив его слабый характер. Другие ученики в школе не были столь убоги, как этот парень: поначалу кто-то еще реагировал на его выходки, но со временем даже друзья задиры сочли, что тот перегибает палку. Все они видели, каков Фань Цин по характеру. Издевательства прекратились, но у Фань Цина зато появился повод разыскать Хао Су. Ему вовсе не требовалось удовлетворять какую-то нужду — он просто хотел, чтобы тот помог ему разобраться в себе. Увы, придуманный повод так и не пригодился, ведь этот человек больше не материализовался.

Хао Су уловил сигнал Личного домена Фань Цина и, следуя по заранее оставленным координатам, вновь перенесся в прошлое. Судя по таймлайну Фань Цина, с их последней встречи прошло уже три дня. За окном царил темнота — несомненно, наступал вечер перед отходом ко сну. А раз тот снова вспомнил о нём, значение этого факта не нуждалось в лишних словах. В отличие от прошлой квартиры, на этот раз Хао Су оказался в библиотеке. Хотя всё внутри Личного домена являлось лишь виртуальной проекцией, выглядело оно донельзя реалистично. Стоило задать обстановку, как она приобретала свойства реальности. К примеру, в библиотеке полагалось соблюдать тишину. Хао Су был обут в домашние тапочки, в которых при нормальных обстоятельствах вход в библиотеку был закрыт. Такой расслабленный наряд заставил Фань Цина замереть: очки были сняты, волосы лишены привычной безупречной укладки, а во взгляде смешивались холодность и притягательная красота, подчеркнутая едва заметной улыбкой. Он выглядел точь-в-точь так, будто его только что вытащили прямо из ванной. — Цин Цин скучал по мне? Его голос был намеренно приглушен и звучал еще ниже обычного. Даже в таком виде он сохранял свою утонченную элегантность. Фань Цин действительно соскучился по Хао Су: трехдневное сдерживание достигло предела и сегодня выплеснулось наружу с удесятенной силой. Глубокой ночью, стоило ему только лечь, как похоть вцеплялась в его уязвимую душу и терзала ее вновь и вновь. До своего появления здесь он уже держался из последних сил и жаждал лишь одного — чтобы Хао Су целовал и ласкал его снова и снова. Ограничения обстановки были призваны усилить психологическое возбуждение. В тишине библиотеки, в этом пространстве, где стоило протянуть руку — и сквозь проём между стеллажами кто-то мог их заметить, он собирался тесно прижаться к Хао Су, требуя, чтобы тот помог ему изгнать неотвязное томление. Его голос неизменно срывался бы на крик, а прерывистое дыхание привлекло бы чужое внимание. Фань Цин панически боялся общественных мест и чужих взглядов, но в виртуальном пространстве творил именно это. Соглашаясь на появление Хао Су, он уже переступил все границы, пав ниже некуда. — Хао Су. Тот ничего не ответил, но его объятия пылали жаром. Лишь в Личном домене Фань Цин обнажал лицо, которое в реальности никогда никому не показывал; казалось, перед входом он нарочно прихорошился ради Хао Су. Одежда на нем была куда изысканнее обычной, даже волнистые волосы уложены волосок к волоску, а при сближении от него исходил легкий, едва уловимый аромат. — Как вкусно пахнет. Обретя способность пробуждаться, Хао Су, следуя

правилам Личного домена, мог в точности знать все мысли Фань Цина. Он наклонился и принялся к нему, особенно задев губами нежную кожу на шее и мягко потеревшись о нее щекой. — Ты хочешь именно так? — ...Мм. Слова поощрения и снисхождения заставили длинные ресницы затрепетать, словно крылья бабочки, стремящейся вновь и вновь укрыться в объятиях Хао Су. Он уже позабыл придуманный предлог — перед лицом Хао Су любые причины казались ничтожными, ему хотелось лишь искренне выплеснуть собственную жажду. Ещё сильнее. Ещё дерзче. Сокровенные мысли тут же достигли Хао Су, и тот прикусил мочку уха Фань Цина, заставив его поморщиться. В этом не было ни крохи нежности или уюта, ни намёка на сладкую ласку, но от такого обращения у Фань Цина мгновенно подкосились ноги, а в глазах заблестели слезы. — Больно... — Даже если больно, придется терпеть. Его тон походил на наставления неразумного ребенка, однако действия оставались столь же жесткими, пока на мочке уха не остался четкий след от зубов, и лишь после этого Хао Су немного отстранился. На Фань Цине сегодня была надета довольно свободная футболка, и стоило ему чуть шевельнуться, как одно плечо обнажилось. Зубы вновь отыскивали край ворота, и, прихватив ткань, случайно задели ключицу. Верхняя губа замерла на мгновение и тут же отстранилась без малейшего сожаления, одновременно разжигая в человеке надежду и обрекая на глубокое отчаяние. — Хао... Мм... Плечо пронзила жестокая, карающая боль. В момент высшего страдания Хао Су прижал Фань Цина еще сильнее к себе, давая утешение совсем на ином уровне. Фань Цин чувствовал себя так, будто его бросили в пучину ледяного пламени, и еще страшнее было то, что у него не возникало ни малейшего желания бежать. Все действия Хао Су происходили с его молчаливого позволения и были именно тем, чего он желал. В прошлый раз Хао Су целовал лишь губы Фань Цина, избегая других мест, но нынче всё обстояло с точностью до наоборот. Он целовал где угодно, кроме губ. Хао Су не любил делать фаворитов: раз на правом плече остался след от зубов, то на левом, разумеется, полагалось оставить точно такой же. Кто-то в библиотеке уже услышал голос Фань Цина и шарил глазами между книжных полок, пытаясь выследить смельчака, посмеявшего нарушителей общественную мораль. Прижатый к груди Хао Су, Фань Цин запрокинул голову, и Хао Су не слишком мягко, но ощутимо прикусил его за кадык. — Нас обнаружили, волнуешься? Свободная ладонь легла прямо на сердце Фань Цина, отсчитывая удары: тук-тук, тук-тук. — Как же у Цин Цина колотится сердце. Хао Су открыто рассмеялся, делая так, чтобы тот самый дозорный снаружи наверняка догадался: в укрытии прятались двое бесстыдников. Чем сильнее обнажалась правда, тем быстрее билось сердце Фань Цина. Хао Су толкнул его, впечатывая спиной в книжный стеллаж. Массивные полки из цельного дерева были невероятно тяжелыми, и если не устраивать здесь побоища, они не упали бы. — Слышишь? Они идут за тобой. Снаружи раздался скрежетдвигаемых стульев: поисковый отряд добрался до последнего ряда стеллажей, и им потребовалось бы примерно три минуты, чтобы обыскать проход. Запрокинутая голова Фань Цина вдруг снова уткнулась в грудь Хао Су, он жалко ссутулился. — Значит, у нас есть только три минуты.

Требовалось вернуться в реальный мир за три минуты, иначе их непременно обнаружат. Тогда им придется встретиться лицом к лицу с гневом и вопросами тех людей, перенести жестокое публичное унижение. Шаги приближались неотвратимо, но Хао Су хранил молчание; его ровное дыхание разительно отличалось от дыхания спутника. Плач звучал в библиотеке излишне громко, подобно разорвавшейся петарде. Абсолютная тишина снаружи была нарушена: шаги стали отчетливее, голоса, полные осуждения и пересудов, зазвучали громче, и весь этот гул потоком хлынул в уши Фань Цина. Хао Су заставил Фань Цина встать себе на ногу, спиной тот упирался в ненадежный стеллаж — пути назад и вперед были отрезаны, и когда рассудок окончательно изменял, оставалось лишь безропотно подчиняться. Резать тупым ножом — едва ли это могло быть мучительнее. — Хао Су... Фань Цин звал его по имени; они условились о трех минутах, а три минуты пролетели как одно мгновение. Шаги уже доносились

в упор, стоило преследователям завернуть за последний угол, и они увидели бы Фань Цина в таком виде. — Тебя сейчас увидят, Цин Цин. В его ласковых глазах читалось лишь сожаление, но ни малейшей реальной помощи от него не исходило. Он позволял ему стоять на своих ногах, позволял горько молить о пощаде, позволял чужим шагам приближаться всё ближе. Шаг, второй... Когда поднятая нога опустилась, не успев коснуться пола, обстановка библиотеки мгновенно рассеялась, и они снова очутились в той же комнате. На тумбочке стояла прозрачная стеклянная банка, и изувеченная роза красовалась в ней в первозданном виде. Фань Цин же весь съезжился в объятиях Хао Су, вцепившись в его руку и не желая отпускать. Он выполнил их уговор, уложившись в самую последнюю секунду. Сейчас в его действиях говорила лишь чистая рефлексия. — Цин Цин такой молодец. Словно хваля ребенка, Хао Су погладил его по голове. От этого их пальцы сжались так крепко, что причинили друг другу боль, заставив Фань Цина затуманенным взором открыть глаза. Осознав, что именно он творит, он поспешно разжал пальцы. Когда они расцеплялись после столь тесного контакта, неизбежно соприкасались вновь, и Фань Цин невольно всхлипнул. В прошлый раз, когда Хао Су использовал его руку вместо платка, Фань Цин пребывал в тумане, но теперь видел всё в полном сознании. Его ладонь казалась совсем крошечной по сравнению с рукой Хао Су; сейчас она напоминала измятый, испещренный грязными разводами кусок ткани, где левая сторона была запятнана, а правая покрыта следами. Наконец, будто ради извращенной забавы, Хао Су заставил его вновь сжать пальцы в кулак, втягивая чистые кончики ногтей в общую грязь. Они лежали на кровати лицом к лицу на боку; Фань Цин бросил на ладонь лишь один мимолетный взгляд и тут же уткнулся лицом в грудь Хао Су. Тот не торопил его, дожидаясь, пока парень прекратит свои манипуляции, и лишь тогда тихо спросил: — Закончили? Голос звучал мягко и низко, источая всепрощение. Он прощал Хао Су, он прощал собственные безумные фантазии без берегов и границ. — Закончили. Хао Су разжал руку Фань Цина, но тот не попытался обнять его в ответ, а просто опустил ее вдоль тела. Потрясений от библиотеки оказалось вполне достаточно, больше Фань Цин ничего не требовал; едва успокоившись, он покинул Личный домен. На этот раз все прошло не так жалко, как прежде: одежда выглядела целой, если не считать неизбежных складок. Тем не менее ложиться спать Фань Цин не стал, а вместо этого направился в ванную. Вернувшись в постель, он вновь вспомнил слова, сказанные Хао Су в библиотеке, и от этого воспоминания у него на мгновение перехватило дыхание. Тогда Хао Су посмотрел на него со словами: Я с таким трудом переоделся, не хочу пачкаться. Вот почему его одежда осталась чистой — сменить пришлось лишь наряд Фань Цина.

Фу... Тяжелое дыхание. В реальном мире, стоило Хао Су вернуться из Личного домена, как Фань Цин тоже очнулся в собственном пространстве. Поскольку перед сном он думал о Хао Су, Личный домен открылся сам собой, но он никак не ожидал, что уснет прямо внутри него. Только... ему приснился сон. Фань Цин во сне очутился в библиотеке: сперва он тихо читал книгу, как вдруг раздался какой-то диссонирующий звук. Сначала это было похоже на едва уловимое прерывистое дыхание, затем послышался срывающийся плач, а после всё стало еще откровеннее. Он слушал это равнодушно, пока не раздался смех, вплетенный в общие звуки. В то мгновение его окатило жаром от макушки до пят. Фань Цин вдруг с отчаянной спешкой возжелал отыскать источник этого шума, да так резко поднялся, что стул со скрежетом проехался по полу. Он замер, полагая, что звуки за книжными полками утихнут, но те, напротив, лишь усилились, зазвучав с новой страстью. Мысль о том, что причиной тому был обладатель того самого смеха, пробудила в сердце Фань Цина смутное, горькое чувство. Он принялся искать их, и, возможно, под воздействием его эмоций остальные тоже зашевелились. По какой-то причине Фань Цин во сне категорически не хотел, чтобы те двое попались на глаза остальным. И всё же, как бы он ни ускорял шаг, скорость его движения оставалась прежней. Словно марионеткой, им управлял сон, даже маршрут передвижения был строго расчерчен. Шум стоял невообразимый — даже постороннему от услышанного сделалось бы стыдно, однако

эта парочка продолжала вести себя по-своему. Фань Цин испытывал одновременно злость и какое-то странное, незнакомое возбуждение. Наконец он подобрался ближе и смог расслышать звуки четче, включая голос обладателя того самого смеха. — Цин Цин... Цин Цин, Цин Цин, Цин Цин... — снова и снова звал тот кого-то по имени. Туман в голове рассеялся, словно раздвинутый могучей рукой, мысли мгновенно проявились; Фань Цин прорвался сквозь путы заклатья и единым рывком выскочил к последнему ряду стеллажей. Стоило ему замереть, как окружающая обстановка рассыпалась на осколки, а вместе с ней исчезли и остальные искатели. Воспоминания, собираясь по кусочкам, воссоздали картину целиком: две фигуры в углу казались выцветшими. Это были Хао Су и он сам. Он уже воссоздавал нечто подобное в Личном домене, и тогда Хао Су помогал ему. Хозяином тех бесстыдных стонов был он сам. Сон оборвался в ту самую секунду, когда он увидел всё до конца. Фань Цин проснулся, а Личный домен растворился. Лежа в кровати, он поднял руку и нащупал свои плечи, а затем уши. Мочки были чисты, на плечах не осталось и следа. Два года назад, выйдя из Личного домена, он битый час разглядывал в зеркало ванной следы от зубов на ушах, плечах и других местах, даже сфотографировал их на память. Фань Цин резко сел на постели, зажег свет и принялся лихорадочно рыться по шкафам в поисках тех снимков. Вещи в его доме всегда содержались в идеальном порядке, так что на поиски ушло совсем немного времени. Не желая, чтобы кто-то посторонний увидел фотографии, он научился проявлять их самостоятельно. Всего получилось чуть больше десятка карточек — на самом деле кадров каждого места было сделано куда больше, но Фань Цин отобрал лишь самые любимые. Особенно... ту, что ниже ключиц и выше груди. Это была далекая иллюзия, и даже припоминая ее, он не мог извлечь из нее никакой пользы. И все же, движимый неведомым чувством, Фань Цин не стал прятать фото обратно, а выставил его на прикроватную тумбочку. Раскрытая фотография странным, жутким образом повторяла ту розу, что когда-то стояла у изголовья в Личном домене. Наверху, вернувшись домой, Хао Су прежде всего отправился в ванную вымыть руки. Как бы тщательно он ни вытирал их о ладони Фань Цина, следы всё равно оставались. Вода струилась по пальцам вниз, пока не исчезла в сливе. Едва явившись в этот мир, он уже дважды побывал в Личном домене, поэтому ментальная усталость давала о себе знать. К тому же завтра ему предстояло заступать на дежурство в больницу, так что когда Фань Цин той ночью вновь попытался пробиться в Личный домен в надежде отыскать в памяти что-то еще, Хао Су отвечать не стал. Одного-двух раз за день вполне хватало.

Профессия врача специфична и требует глубокого профессионализма. Обычному человеку, даже унаследовав чужие воспоминания, потребовалось бы немало времени, чтобы во всем разобраться. Однако Хао Су, казалось, от природы умел подчинять себе любые правила: он стремительно освоил работу прежнего владельца тела и постепенно раскрыл грани таланта, коих у того отродясь не водилось. Отработав смену в выходные, по возвращении домой он снова столкнулся с Фань Цином. Тот по-прежнему выглядел отъявленным социофобом; сколько бы раз они ни разминулись в дверях, правда так и осталась бы скрытой. С легким сердцем поднявшись на лифте, Хао Су нажал нужную кнопку следом за Фань Цином. Кабина традиционно была забита народом: Хао Су стоял впереди, а Фань Цин жался в дальнем углу. На своих этажах оба молча вышли. словно по молчаливому сговору, вернувшись домой и скинув пальто, Хао Су опустился в кресло в ожидании знакомого магнитного поля. На этот раз прошло целых полмесяца. Человеку свойственно стыдиться, в особенности подобных вещей: до начала испытываешь неловкость, а по завершении клятвенно убеждаешь себя, что это в последний раз. Снова и снова поступаясь принципами, снова и снова идя на поводу у вожделения. Ты переживаешь короткие мгновения отвращения к самому себе, но со временем непременно осознаешь: в этом нет ничего страшного, это самые обычные человеческие желания. Фань Цин как раз застрял на втором этапе: всякий раз, вспоминая о своих безумствах после того дня, он испытывал жгучий стыд. Раньше он обожал школьную библиотеку, теперь же стоило ему

переступить ее порог, как в ушах начинал звучать собственный голос. Чужие взгляды, то и дело бросающиеся по сторонам, приглушенный шепот при обсуждении заданий — всё это казалось ему связанным с ним самим. Рассудком он понимал абсурдность подобных мыслей, но с тех пор почти полмесяца носа не казал в библиотеку. Точно так же он больше не заглядывал и в Личный домен. Нельзя продолжать в том же духе: минутная слабость прощительна, но ему не следует тонуть в этом с головой. И всё же, как и в первый раз, чем сильнее было подавление, тем сокрушительнее оказывался откат. Фань Цин понял, что безумно скучает по Хао Су: каждую секунду, стоило разуму хоть немного затихнуть, перед его взором всплывало знакомое лицо. Его мягкий взгляд, полуприкрытые глаза, небрежная манера говорить и та самая рука. Рука, что полностью скрывала его собственную. Жажда терзала Фань Цина с такой силой, что сводила с ума, и он убеждал себя: это в последний раз. — Как нехорошо с твоей стороны, Цин Цин, объявился только спустя столько времени. Едва завидев его, Хао Су тут же укоризненно покачал головой, не дожидаясь, пока тот заговорит. Произнеся это, он сделал вид, будто собирается уходить, совершенно не заботясь о реакции парня. Прекрасно зная, что в Личном домене Хао Су не исчезнет без позволения хозяина, Фань Цин все равно испугался на секунду и инстинктивно ухватил его за руку. — Прости, я не специально заставил себя ждать. — Вот как? Вопрос не звучал как обвинение, но Фань Цина, твердо решившего покончить с этим после сегодняшнего раза, тут же загрызла совесть, заставив сбиться с толку. Почувствовав это, он испытал укол вины еще до того, как Хао Су успел что-либо сказать. Однако Хао Су вовсе не собирался упрекать его — он неизменно следовал любым желаниям парня, проявляя предельную заботу. На этот раз действие происходило на школьной спортивной площадке: они прятались в пространстве под трибунами. Фань Цин обожал подобные полуоткрытые места, где можно было чувствовать присутствие людей снаружи и при этом оставаться невидимым.

— Дрянной мальчишка. — Хао Су неторопливо поигрывал прядями на затылке Фань Цина, а в его утонченном и элегантном тоне звучало явное порицание.

Он выглядел донельзя спокойным, и трудно было понять, то ли он ругает Фань Цина за то, что тот вечно выбирает для их встреч подобные места, то ли за то, что стоит ему лишь слегка прикоснуться к нему, как тот тут же теряет над собой контроль. Но Фань Цин принимал его упреки.

— Я дрянной мальчишка.

Он покорно повторял и другие слова Хао Су — те, что срывались с чужих губ, слетали с его собственных. Только со временем интонации Фань Цина неуловимо менялись: в них слышалась беспомощность, хрупкость и даже скрытая мольба.

— Нельзя.

Нельзя, не положено, не годится. Сплошные отказы, но стоило Фань Цину проявить хоть малейшую самостоятельность, как у него тут же отнимали еще больше. На этот раз Хао Су был скуп до предела, растеряв даже прежнюю мягкость — казалось, ему доставляло удовольствие видеть, как Фань Цин мучается еще сильнее.

Где-то на улице, должно быть, играли в футбол: доносились то радостные крики при забитом голе, то разочарованные вздохи. Но все это не имело для Фань Цина никакого значения — в его глазах отражался только Хао Су.

На заострившемся подбородке скопилось несколько капель слез, а его тело было зажато так крепко, что не могло калыкнуть и на миллиметр, так что лишь спустя долгое время эти слезы сорвались вниз, точно упав на тыльную сторону ладони Хао Су. Тот неизменно любил подшучивать над ним в такие моменты, и этот раз не стал исключением.

— Чего это Цин-цин у нас такой плакса?

С этими словами он, словно в наказание, легко шлепнул его, и если бы вторая рука не продолжала удерживать юношу, Фань Цин наверняка согнулся бы пополам. Слезы хлынули с новой силой; Фань Цин обвился руками вокруг шеи Хао Су и, потратив, должно быть, немало сил, приподнялся на цыпочках, чтобы коснуться поцелуем его уголков губ.

— Не бей меня.

В его ласковом и жалобном голосе звучало забвение — перед лицом Хао Су он вечно забывал о том, что является хозяином Личного домена. Стоило ему лишь немного пожелать, и он мог бы приказать Хао Су делать все, что заблагорассудится, но он не воспользовался этим ни разу. Оказываясь в Личном домене, он добровольно складывал с себя все привилегии. Он был равен Хао Су, или, вернее сказать, Хао Су стоял много выше него. Он позволял Хао Су абсолютно всё, позволял обращаться с собой как угодно.

— Раз Цин-цин такой вредный, конечно, нужно разок шлепнуть, чтобы запомнил.

— Я не вредный...

— Правда? А кто только что повторял за мной?

Пыла в нем поубавилось, хотя у Фань Цина, пожалуй, никогда по-настоящему и не было боевого задора.

— Я вредный.

И всё же истинным злодеем был тот, кто заставлял другого признавать свою вину. Хао Су чувствовал, что Фань Цин уже едва держится на ногах, но намеренно не прижимал его к себе, как делал раньше.

— Держись крепче, а то упадешь.

— Но у меня... м-м... уже нет сил.

— Значит, постарайся изо всех сил.

Хао Су легко коснулся губами его лба, вовремя подбадривая:

— А не то в следующий раз вообще ничего не получишь.

Тот самый человек, который еще недавно клялся и божился, что вошел сюда в последний раз, сейчас до боли закусил губу; Фань Цин накрепко последние силы в обеих руках, чтобы не дать им соскользнуть с шеи Хао Су.

Фань Цин снова видел сон: ярко-красная пластиковая беговая дорожка бросалась в глаза, а свободными оставались лишь проходы на трибунах зрителей. Он не мог разглядеть то, что творилось внизу, но какое-то интуитивное знание подсказывало ему: там кто-то есть.

Двое людей.

Хао Су, умоляю тебя.

Когда этот голос зазвучал в глубине видения, Фань Цин повторил эти слова в реальном мире в тот же самый миг. Он произносил те же слова, что и невидимый для него человек, испытывал те же чувства, и в какой-то момент они слились воедино.

Но это был лишь сон, отголосок бывших ощущений, заставивший его поверить, будто он снова вернулся в тот самый миг.

Пластиковая дорожка постепенно блёкла, зеленое поле посреди стадиона тоже теряло цвет, все вокруг двигались задом наперед, и только Фань Цин шел против течения. Он толкнул ту самую дверь и увидел пожелтевшую стену.

Словно одержимый, он подошел к стене и, прикрыв глаза, прислонился к ней спиной. Утраченное прошлое вернулось с пугающей четкостью:

— Хао Су, умоляю тебя.

— Цин-цину нравится?

— Нравится...

— А Цин-цин любит меня?

В их понимании Хао Су был лишь плодом воображения Фань Цина, и теперь этот вымышленный образ осмеливался спрашивать любишь ли ты меня — какая дерзость.

Фань Цин открыл глаза, и сон рассеялся.

Что же он ответил тогда?

Он сказал ему: «Люблю».

Он любил Хао Су, безумно, отчаянно любил. Если бы не эта любовь, разве стал бы Хао Су объектом его фантазий? Если бы не эта любовь, разве стал бы он каждые несколько дней прорываться в Личный домен только ради того, чтобы Хао Су помог ему утолить эту жажду?

В тот день, покидая Личный домен, Фань Цин долго сидел в задумчивости, прикрывая ладонью свежий след от зубов на плече, оставленный Хао Су. Ему казалось, что он, похоже, влюбился в собственный вымысел.

Это было не то чувство, что росло день ото дня — он по уши увяз в нем с самой первой их встречи, потеряв способность сопротивляться.

— Хао Су...

В ночной тишине Фань Цин в реальном мире вспомнил обо всех чувствах, что питал к Хао Су, и растерянно прошептал его имя. Он чувствовал, что его память превратилась в хаос, и все в ней было связано исключительно с Хао Су.

Хао Су оставил укус на плече Фань Цина в самый последний момент — от следов прошлой метки уже давно не осталось и следа. Фань Цин сам попросил его об этом: «Хао Су, я люблю тебя». И он же сам добавил: «Хао Су, укуси меня, пожалуйста».

Словно он отчаянно пытался унести отсюда материальное подтверждение их связи.

И Хао Су исполнил его желание. Ему не нужно было осыпать ласками всех подряд, вполне хватало запечатлеть себя на одном и том же месте.

Острые зубы впились в плечо — крепко и больно, но прежде чем Фань Цин успел всхлипнуть, язык Хао Су уже успокаивающе скользнул по коже, приглушая остаточную боль.

Словно пробуя на вкус засахаренные фрукты, Хао Су наслаждался процессом, и когда всё закончилось, плечо Фань Цина украшал не только след от зубов, но и багрово-литые пятна от поцелуев.

В тот момент юноша испытывал столь безумное возбуждение, что если бы не неподходящая для этого обстановка и запрет Хао Су заниматься чем-либо еще, они бы, пожалуй, не расстались так быстро.

Вернувшись из Личного домена в реальность и немного приведя себя в порядок, Хао Су увидел всплывшее на телефоне сообщение. Больницы каждый год совместно с университетами проводили лекции по гигиене и здравоохранению, и в общем чате как раз рассылали бланки для регистрации.

Кликнув по файлу, он обнаружил в третьей строчке университет Фань Цина.

Хао Су скачал бланк, внес свои основные данные и отправил заполненный документ организатору. Сама лекция была назначена через месяц, времени оставалось более чем достаточно.

Поскольку прошлое неизбежно влияло на настоящее, воспоминания Фань Цина о нем тоже множились с каждым днем. Чтобы избежать путаницы в голове у юноши, пока не завершится череда событий из прошлого, Хао Су не планировал лишний раз пересекаться с нынешним Фань Цином.

Лишь когда он в следующий раз вернулся в Личный домен, Хао Су отчетливо почувствовал: после их последней встречи Фань Цин стал гораздо проще смотреть на их отношения.

Фань Цин осознал это: он нуждался в Хао Су. На физическом и на духовном уровне, нуждался во всех смыслах.

На этот раз время в Личном домене выдалось вовсе не ночным, да и обстановка вокруг была предельно простой. Хао Су стоял на аллее, обсаженной раскидистыми деревьями, поодаль прогуливались другие парочки, держась за руки.

— Хочешь прогуляться?

Это был самый обычный вопрос, но поскольку Фань Цин раньше всегда являлся сюда с совершенно иными целями, его уху это показалось проявлением легкого удивления — мол, с чего это вдруг он решил вести себя так благопристойно.

— Прогуляться, — подтвердил он.

Он крепко сжал руку Хао Су, его щеки пылали от только что промелькнувших мыслей, и, едва договорив, он поспешно зашагал вперед.

Однако Хао Су не позволил ему уйти: потянув за руку, он вернул юношу обратно к своему боку.

— Цин-цин хочет со мной встречаться?

Встречаться с вымышленным персонажем?

Это звучало куда более абсурдно, чем всё, чем они занимались раньше. Фань Цин посмотрел на Хао Су, но не смог выдавить из себя ни единого слова возражения.

Он так сильно любил Хао Су, любил каждую секунду, каждое мгновение желая видеть его рядом. Более того, он вовсе не считал зазорным любить плод собственного воображения — наоборот, от одной мысли о том, что Хао Су порожден его собственной фантазией и принадлежит исключительно его Личному домену, его охватывало дикое воодушевление.

Он владел им прямо сейчас.

— Я хочу с тобой встречаться.

Окажись они в реальном мире, Фань Цин ни за что не произнес бы вслух подобное. Для него это было слишком смело, у него просто не хватило бы духу.

Но сейчас они находились в его Личном домене, где он всегда мог обнажить перед Хао Су свою самую истинную сущность: захотел его — попросил помочь; захотел начать встречаться — признался напрямую.

— Хорошо, давай прогуляемся.

Хао Су принял предложение Фань Цина, и статус его роли в Личном домене тут же претерпел изменения.

Из объекта сексуальных фантазий Фань Цина он превратился в настоящего парня.

Второе включало в себя первое и подразумевало куда большее разнообразие. Стоило хозяину домена пожелать, как Личный домен наполнялся бесконечными переменами.

Хао Су и Фань Цин исходили вдоль и поперек самые разные пейзажи внутри домена, попробовали бесчисленное множество развлечений.

Они совершенно естественным образом закрепили за собой в качестве постоянного жилья тот самый дом, где встретились в самый первый день, и те вещи, до которых они прежде не успевали дойти в самый разгар, теперь завершились сами собой.